
Наталья Соболевская
Помню, люблю, не прощаю

Наталья Соболевская

Помню, люблю, не прощаю

«Автор»
2026

Соболевская Н.

Помню, люблю, не прощаю / Н. Соболевская — «Автор», 2026

Бесплатно в процессе. Лоботомия. Вот что мне было нужно три года назад, чтобы вычеркнуть его из головы. А сегодня он просто вошёл в зал совещаний. Успешный, самоуверенный, в идеальном костюме. Дмитрий Волохов. Мой бывший.Три года я старательно вычёркивала его из жизни, обзавелась работой мечты и надёжным мужчиной. И всё равно, что он мой босс и прилично старше. Зато Дмитрий теперь работает на него — и должен говорить ему «да, шеф».Дмитрий, впрочем, тоже зря времени не терял: процветающая фирма, а на сгибе локтя — модель с обложки.Все при деле. Все несвободны.И что с того, что нам предстоит работать вместе почти год? Живите мирно, как взрослые люди, — так нет. Нам обязательно нужно выяснять отношения, припоминать прошлое и кусать друг друга. Желательно побольнее. И так по кругу, изо дня в день.Чувствую, закончится это грехом. Знать бы ещё каким именно и на чьей совести.

© Соболевская Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 25
Глава 5/3 29
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Наталья Соболевская
Помню, люблю, не прощаю

Глава 1

В зал совещаний вошёл он — тот, из-за кого я когда-то была готова сделать себе лоботомию, лишь бы его забыть.

А судьба, оказывается, та ещё стерва. Последнее время она только и делала, что ласково гладила меня по голове и баловала удачами: я устроилась на работу мечты, карьера стремительно пошла в гору, завязались отношения с надёжным мужчиной. И вот теперь, когда я расслабилась и перестала ждать подвоха, жизнь достала громадную кувалду и — хрясь меня по голове.

Зачем мы опять встретились? Я ведь уже своё выплакала, перестрадала, переболела, почти забыла его. И на тебе…

Ладно бы ещё за три года с нашей последней встречи Дима обрюзг, облысел и отъелся до размеров пятиэтажки. Ко мне же после разрыва быстро прилипли лишние килограммы, три месяца пришлось давиться грудкой и гречкой, чтобы не таскать их повсюду с собой. На худой конец, Волохов мог появиться здесь не в дорогом костюме и белоснежной рубашке, а, допустим, в синей спецовке, чтобы не в переговорах участвовать, а заменить перегоревшую лампочку.

Но нет. Он, псина этакая, всё такой же… И даже более идеальный, чем был. Судя по тому, как с ним здороваются — между прочим, не самые последние люди — чуть ли не кланяются, дела у него получше моих. Ещё и загорелый, значит, выкраивает время на море и отдых. Не то что я, из офиса не вылезаю, бледная, как поганка.

Не отрывая взгляд от бывшего жениха, я нащупала дрожащей рукой бутылку воды на столе и, проигнорировав стакан, отпила прямо из горлышка. И зачем, спрашивается, в фильмах и сериалах нервничающему человеку постоянно суют эту воду? Не помогает же! Сердце у меня как завелось, так до сих пор и стучит одурело, будто нелишним будет позвонить в скорую и предупредить, чтобы срочно высылали машину, ещё секунда — и одну двадцативосьмилетнюю девушку шандарахнет инсульт.

— Вероника Николаевна, вот новая версия договора. Пока есть время, ознакомьтесь хотя бы бегло, — раздался знакомый голос совсем рядом.

К этому моменту я настолько далеко отплыла от реальности, что аж вздрогнула. Спасибо, хоть не ойкнула и не схватилась за грудь.

— Да, конечно, Андрей Сергеевич, — растерянно кивнула я, взялась за документы и честно попыталась начать читать. Правда, сразу выяснила, этот навык мне сейчас недоступен. Буквы вроде бы узнаю, но в слова они почему-то не складываются.

Единственное, что заметила — один лист с загнутым уголком. Готова поспорить, там условия оплаты, Андрей знает, что я всегда начинаю с этого пункта. Раньше загнутый уголок меня умилял. Сейчас — почему-то раздражает.

— Ника, всё хорошо? — вполголоса, придвинувшись ближе, поинтересовался Андрей. — Ты раскраснелась и руки дрожат. Не заболела случайно?

Зашибись. Мало того что я чувствую себя так, будто на мне только что протестировали электрошокер, так это ещё и окружающим видно.

— Нет, здесь просто душно, — замахала я рукой, обдувая лицо.

— Уверена? — Андрей уже потянулся к моему лбу, чтобы проверить температуру, но быстро одёрнул себя.

В компании каждой собаке известно, что у нас с Андреем роман, и даже больше — мы почти живём вместе. Но поскольку он генеральный директор, а я его подчинённая, во имя корпоративной этики мы свои отношения напоказ не выставляем.

— Конечно, — выдавила я улыбку и под столом положила руку на его колено, но он тут же её убрал с пояснением:

— Мы не одни. Увидят.

Уткнувшись носом в договор, где вместо условий сделки маячила лишь одна фига, я мучилась вопросом: в качестве кого здесь присутствует Дмитрий? Может, он независимый приглашённый эксперт или временный субподрядчик? Только бы так — тогда он тут разок покрасуется передо мной и снова на долгие годы, а возможно и навсегда, исчезнет за горизонтом.

— Не подскажешь, вот тот мужчина здесь зачем? — глянув в сторону Волохова, спросила я у Андрея, чтобы не гадать.

— Дмитрий Романович — владелец фирмы-подрядчика, которая пришла на смену проштрафившемуся «Гранд Стою», — пояснил он, проследив за моим взглядом.

Андрей говорил что-то ещё, но я, оглушённая новостью, его не слышала. Волохов здесь отнюдь не случайный гость, а человек, с которым мне предстоит плотно сотрудничать как минимум ближайший год. Мне и так было не очень, а сейчас совсем поплохело, кажется, даже давление подскочило. Наверняка, конечно, не знаю: раньше оно у меня не шалило. Но если давит в груди, звуки мира приглушены почти в ноль, а в голове бьют барабаны, наверное, это она — гипертония.

Вот мне очень интересно, за какие такие страшные грехи мироздание прописало мне эту жёсткую проверку на прочность? Если бы последний месяц я не моталась из одной командировки в другую и не прилетела обратно всего пять часов назад, никакого Дмитрия здесь сейчас и в помине бы не было. Я бы этого просто не допустила. Порвала бы пупок, но нарыла на фирму бывшего жениха компромат. А не нарыла — сфальсифицировала. Теперь что-либо предпринимать уже поздно: если дело дошло до подписания договора, значит, Андрей фирму Волохова проверил-перепроверил вдоль и поперёк и принял на его счёт окончательное решение.

И вот тут я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд — чей именно, знаю точно.

Листы с договором подняла выше, сутулилась посильнее, лицо опустила.

Ну то есть спряталась.

Если я не вижу мир, мир не видит меня — видимо, как-то так я рассудила, как трёхлетний ребёнок, что прячет за диваном одну только голову и пребывает в полной уверенности, будто надёжно укрылся. А то, что попа с пятками торчат снаружи — так это по барабану.

Разозлившись на себя, выпрямилась и, бросив документы обратно на стол, смело встретилась с Дмитрием взглядом.

А не так уж и плохо я пряталась. Волохов явно гадал, я это или не я? Только теперь с его лица сошло напряжение, уступив место узнаванию и улыбке — широкой, мальчишеской. Притворяется или правда рад меня видеть?

Если вспомнить, что мы друг другу кричали, когда расставались, голосую за первое.

Хотя… я-то была лапочкой, ничего плохого ему не сделала. Это он накануне свадьбы воткнул мне нож в спину. Так почему бы ему искренне не порадоваться, увидев свою обманутую и преданную бывшую?

Дмитрий кивнул мне и подмигнул — мол, здравствуй, Ника.

Приветствуя его в ответ, тоже кивнула, надеясь, что в этот момент не слишком смахивала на человека, которому отдавили ногу, а он из приличия не орёт, а молча терпит.

— Начнём, — предложил сидевший рядом со мной Андрей, и все присутствующие быстро заняли свои места за столом.

Как гласит деловой этикет, право открывать переговоры принадлежит главе принимающей стороны — ну то есть Андрею. Но Волохов, заговорив первым, присвоил это право себе. Причём сделал он это настолько естественно и непринуждённо, что на его наглость никто даже внимания не обратил, включая самого Андрея.

А говорил гад так, что заслушаться можно: уверенно, со стопроцентным знанием дела, ни единого лишнего слова, всё чётко, конкретно, по существу. И держался при этом так, будто по положению выше всех здесь присутствующих минимум на три головы. А это не так, далеко не так.

Из чего выходило, наша встреча ударила под дых только меня. Я до сих пор не отошла и сижу с придурковатым, чумным видом. Дима же сосредоточен, в достаточной мере расслаблен и блестяще делает своё дело. Плевать он хотел на меня и сейчас, и три года назад. Иначе бы я тот нож в спину не получила.

Выступив, Волохов передал слово другим и с той минуты в обсуждении почти не участвовал. Некогда ему было. Он занимался тем, что меня разглядывал — откровенно, пристально, непрерывно. Хоть под стол лезь от его внимания.

И ладно бы я выглядела на все сто, но ведь нет. Только что с самолёта, уставшая, голову мыла вчера, а в моём случае это означает, что голова грязная. Макияж есть, но он, мягко говоря, несвежий, осыпавшийся, так что лучше бы его вообще не было. Рубашка и брюки на мне чистые, так как заехать домой времени не нашлось, достала их из чемодана, но они мятые, будто взяты из другого более тесного и тёмного места.

Закон подлости во плоти. Если не считать того первого месяца сразу после разрыва с Димой, когда я объедалась как не в себя, расхаживала даже днём в ночнушке и забывала причёсываться, то за последние три года по пальцам можно пересчитать дни, когда я была не в форме. И надо же, именно в один из таких дней напротив меня за столом сидит и пялится Волохов.

Но самое бесящее, что я из-за этого беспокоюсь. Хотя, казалось бы, с какой стати? По какой причине мнение предателя для меня что-то значит? Видимо, по той же, по какой я до сих пор не выбросила подвенечное платье, купленное на нашу свадьбу. И ладно бы просто не выбросила. Временами на меня накатывает, достаю его из шкафа и долго-долго грустно смотрю. Раньше вообще плакала.

Минут через сорок, когда многозначительные взгляды Волохова прожгли во мне тысячу дыр, Андрей привлёк ко мне всеобщее внимание.

— Вероника Николаевна, у вас есть вопросы или можем приступить к подписанию? — громко спросил он и тут же, как бы между прочим, добавил для окружающих. — Вероника Николаевна — моя правая рука, ни одного важного решения не принимаю без её одобрения.

Для большинства присутствующих слова Андрея никакая не новость — они почти не отреагировали. Зато мой бывший обалдел. Уставился на меня так, будто впервые видел, и, подобравшись, как по струнке выпрямился в кресле.

Ха. Так-то!

А как Дима думал, что я просто так сижу рядом с главой холдинга, для украшения и на случай, если кому водички захочется, чтобы стакан подала?

— К сожалению, у меня было не так много времени, чтобы основательно вникнуть, — сказала я правду и заодно соломки себе подложила на случай подводных камней в договоре. — Но всё, что я успела услышать и изучить, вопросов не вызвало.

Ещё спустя пятнадцать минут встреча официально закончилась, люди поднялись с кресел, но пока не расходились, одни просто общались, другие, пользуясь случаем, решали свои вопросы. Я же кратко обрисовала Андрею результат последней командировки и, схватив сумку, собиралась как можно скорее отсюда убраться. Не получилось, только успела сделать пару шагов от кресла, как передо мной вырос Волохов.

— Правая рука Курцева — звучит впечатляюще, — сказал он, ещё раз оглядел меня всю, будто не насмотрелся, и, склонив голову набок в таком до боли знакомом жесте, улыбнулся. — Здравствуй, Ника. Рад тебя видеть.

— Спасибо, — поблагодарила я, и хоть элементарная вежливость вроде как требовала добавить: «И я рада тебя видеть», не стала этого говорить. Потому что не рада и даже притворяться не собираюсь. После того как он так мерзко со мной поступил, не обязана.

Надеялась, задрав нос, уйти с гордым видом, но на этот раз меня задержал Андрей. Судя по всему, он не заметил, что мы с Волоховым разговариваем, вклинился между нами и тихо спросил:

— Ник, ты домой?

— Да, перелёт и смена часовых поясов меня доконали. Сегодня до конца дня отдохну.

— А вечером ко мне приедешь? — ещё тише, почти беззвучно уточнил он. Но кое-кто особо ушастый за его спиной, судя по реакции, всё же расслышал.

Лицо Дмитрия ожесточилось. Резко вскинув голову, он зло и пренебрежительно усмехнулся — я буквально услышала его мысли: «Так вот в чём дело. Понятно, каким местом она получила свою должность».

— Мне бы тоже хотелось провести этот вечер вдвоём, — прошептала я, — Соскучилась. Но сегодня я никакая. Приеду лучше завтра.

— Хорошо. Поезжай домой, отдыхай. Виктор Иванович! — Заметив главного энергетика, Андрей окликнул его, на прощание слегка коснулся моего локтя и тут же ушёл.

Я торопливо выскочила из зала — и лишь на какую-то долю секунды наши взгляды с Димой пересеклись. Но и этого хватило, чтобы почувствовать всю глубину его осуждения.

С тех пор как мы с Андреем сошлись, я почти привыкла ловить на себе неодобрительные взгляды. Довольно молодая девушка и обеспеченный взрослый мужчина — согласна, наталкивает на определённые мысли… Но Волохов-то куда? Чья бы корова мычала, а уж точно не его. Тоже мне, поборник морали нашёлся. Память ему, видно, отшибло — забыл, почему мы расстались.

Услышав, как из переговорной вслед за мной кто-то вышел — а там было человек пятнадцать — была готова поклясться, это Волохов попёрся за мной, чтобы догнать и высказать своё «фи».

Ускорила шаг, но не обернулась. Оглядываться нельзя. Пока Дима не подозревает, что я знаю, что за мной идёт он, я всего лишь выхожу из здания. Обернусь и получится, будто от него убегаю.

Дойдя до лифта, нажала на кнопку вызова и чуть не выругалась: на табло высветилось, что лифт поедет на верхний этаж аж с цоколя.

— Перехвалил я тебя, — раздался за спиной издевательский голос, конечно же, Димы. — И как это, спать со старпёром ради бабла? Стоит оно того? Хотя нет. Ты же у нас не такая. Не стала бы терпеть его ради денег. Ты всегда хотела карьеру — вот и связалась с ним, чтобы получить должность.

— Э-эх… — с усталостью и абсолютным спокойствием вздохнула я, продолжая смотреть строго вперёд, на табло.

Выкуси, Дима. Зря старался, ты меня не задел. По крайней мере, должен думать именно так.

Но Волохов не был бы Волоховым, если бы быстро сдался. Конечно, он не заткнулся и продолжил кусать:

— Ника, у меня для тебя плохие новости. Зря ты с ним спишь. У тебя высокая должность разве что на бумаге, а по сути ты его помощница. Секретарь с расширенным функционалом. Очень расширенным.

Скотина. Ну какой же скотина. Не побрезговал, ударил по самому больному. Мало того что обесценил всё, чего добилась, теперь и вовсе заявил, что никаких достижений у меня нет.

Глаза ему, что ли, выцарапать? Нет, много чести из-за него маникюр портить. Дождалась, когда створки лифта начали разъезжаться, обернулась через плечо и промурлыкала с милой улыбкой:

— Слава богу, что меня от тебя упас.

Дома приняла душ, накапала себе в бокал красного сухого и позвонила лучшей подруге — пожаловаться. Ну а что, она регулярно льёт мне в уши свой негатив, теперь её очередь его принимать.

— Да?

— Варь, у меня острая необходимость порыдать на твоём плече. Только я так устала, что почти при смерти, к тебе не поеду, и тебя с оравой к себе не пущу. Можно поныть по телефону?

— Попробуй.

— Варя, я тебя почти не слышу. Ты чего шепчешь? Дети спят?

— Нет. Пацаны на баскетболе, Анютка на лепке. Тут просто окно откинуто на проветривание, если буду говорить громче, Котя меня услышит.

Я покосилась на бокал, убедилась, что из него исчезла лишь половина, значит, я пока в здравом уме, и спросила:

— Почему ты боишься, что Котя, тьфу ты, Костя — может тебя услышать? И при чём тут окно? Будь добра, расшифруй весь этот бред.

— Котя уже третий день задерживается на работе, — ещё тише начала объяснять подруга. — Я приехала к его офису, спряталась в кустах, смотрю, чем он занимается в кабинете. Благо первый этаж, а то пришлось бы одалживать у соседей стремянку — наша-то полгода назад сломалась.

Опять Варька чудит. Прикрыв глаза, шлёпнула себя по лбу. Если так продолжится, придётся брать её за руку и вести к мозгоправу. Ревновать мужа и пытаться уличить его в измене — у неё уже как навязчивая идея.

— И чем Костя занят? Придаётся хоть пороку или как? — простонала я.

— Пока нет. Сидит, колотит по клавиатуре.

— Варь, завязывай, — прикрикнула я. — Шуруй оттуда, пока Костя и правда тебя не заметил. Не обижай себя слежкой, а его — подозрениями.

— Ага, я уйду, а к нему их новая экономистка придёт и начнёт совращать. Видела бы ты её! Вся из себя, и сразу видно, что чужими мужьями не брезгует. Боюсь, он мне с ней изменит, — жалобно шмыгнула носом Варвара, но тут, видно, вспомнила, что плакать собиралась я, а не она, и всё так же тихо, но бодро спросила. — А у тебя-то что случилось?

— Я сегодня видела Волохова. Он теперь новый партнёр Андрея. На целый год. Но это в идеале, в реальности, уверена, выйдет дольше.

Вместо реакции Вари я услышала глухой хлопок и кряхтение с шорохом.

— Варь, ты телефон уронила?

— Если бы! — запыхаясь, отозвалась она. — Сама уронилась. Все джинсы на попе уделала. Предупреждать надо, если собираешься шокировать новостями. И как он на тебя отреагировал? Как сама?

— Он, когда только меня увидел, вроде обрадовался. А как узнал про нас с Андреем, словно озверина хлебнул, гадостей наговорил. Сама — погано. Знаю, что должно быть плевать, но что я сделаю, если мне плохо?

— Ишь, козлиная морда! Видать, заревновал. Поздновато опомнился. Теперь всё, ту-ту, его счастливый поезд ушёл. Ник, даже не думай расстраиваться, ну его к чёрту. У тебя теперь есть шикарный мужчина. Ладно, по этому поводу я тебе потом ещё прочитаю полноценную

лекцию, а сейчас отключаюсь. Котя снял с вешалки куртку, домой собирается. Надо успеть уехать, если заметит мою машину на парковке — хана.

Следующим утром, когда я, как обычно, раньше всех остальных на целый час приехала в офис, другая такая же ранняя рабочая лошадка — Андрей, позвонил и попросил зайти. А когда заглянула к нему, задал вопрос, к которому я была не готова:

— Ник, мне показалось или вы с Волоховым были знакомы и до вчерашнего дня?

Глава 2

И что отвечать? Конечно, тянет соврать — лишь бы избежать объяснений. Но этот способ уйти от неприятного разговора настолько же лёгкий, насколько тупой. Доверие заслуживается годами, а убивается за секунду.

Не удивлюсь, если Дима уже всё выложил Андрею в подробностях. Судя по тому, какой жадной пиявкой до чужой кровушки он за мной бегал, вполне мог. Из меня попить не вышло — так он присосался к Андрею. Такое себе удовольствие — узнать, что новый партнёр когда-то жил с твоей девушкой. Так что Андрей вполне может быть в курсе нашего романа с Волоховым, а спрашивает меня, чтобы дать возможность рассказать свою версию: ведь неизвестно, что там Дима наплёл. Либо он попросту проверяет меня на вшивость — честно признаюсь или стану вилять.

— Тебе не показалось. Мы уже были знакомы. Почти год жили вместе, собирались пожениться, но не срослось.

Андрей сдержанный человек, по его лицу крайне трудно понять настроение. И в благодушии, и в бешенстве он выглядит почти одинаково — невозмутимо спокойным. Но я наблюдательная и уже научилась угадывать его эмоции по осанке, по жестам — в общем, по языку тела.

Вот и сейчас он сглотнул, будто в горле застряло нечто такое, что пришлось проталкивать через силу. Значит, о нашем романе с Димой он не знал. Для него это стало новостью, причём новостью неприятной.

— Я понимаю, прошлое — это лишь твоё дело, и всё же мне надо знать: как вы расстались? Тихо и мирно или…

— Или, — выдохнула я. — Посуду не били, но разошлись со скандалом. Рассказывать всю историю целиком и вдаваться в подробности мне бы не хотелось.

— Ясно, — протянул Андрей, сцепив руки в замок и опустив их на стол. — Тогда ответь на такой вопрос. Прошлое не помешает тебе с ним работать? Как я уже говорил, курирование проекта с Волоховым планировал поручить тебе, но теперь сомневаюсь. Может, назначить куратором кого-то другого?

А ведь мысль дельная. Мне почему-то подобный вариант даже в голову не приходил. Если Андрей снимет меня с проекта, физиономию Волохова я, возможно, больше и не увижу. И моя идеальная жизнь — понятная и разложенная по полочкам — останется ровно такой, какой и была до вчерашнего дня. Я уже набрала воздуха, чтобы отказаться от проекта, как Андрей назвал имя моей предполагаемой замены.

— Думаю, с Волоховым должен работать Кирилл. Как считаешь?

Мне будто плеснули холодной воды в лицо, а потом, для верности, чтобы точно очухалась, отвесили подзатыльник.

Давай, Ника, самоустранись из проекта. Сделай Кириллу шикарный подарок, чтобы он мог бегать по кабинетам и всем по большому секрету громко шептать, что босс хоть и повысил меня, но как и прежде наиважнейшие задачи доверяет только ему. Забудь, как этот хитрозадый слизняк-интриган, поняв, что в гонке за должность заместителя ты наступаешь ему на пятки, воровал твои идеи и результаты работы, как постоянно старался выставить тебя дурой, чтобы дискредитировать перед коллегами. Забудь, сколько раз он тебя подставлял, когда в той же гонке вы уже шли ноздря в ноздрю. Забудь, чего тебе стоила победа, как ты пахала по двенадцать часов семь дней в неделю. Ведь чтобы девушке обогнать мужчину по карьерной лестнице, бежать нужно в два раза быстрее него.

Хрен получит Кирилл, а не проект. Это моя работа, и именно я ею займусь. И никакой Волохов мне не помешает, потому что я профессионал.

— Нет, Андрей, это лишнее, — с лёгкой улыбкой мотнула я головой. — Мы с Дмитрием Романовичем расстались три года назад. Всё, что между нами было, включая обиды, уже давно в прошлом. Не знаю, видел ты или нет, но мы вчера даже поговорили. Правда, недолго, но общались вполне хорошо. Уверена, сработаемся. И в том, что мы встречались, есть даже свой плюс: я знаю все его слабые места и вижу, когда он врёт.

Слабые места и враньё — аргумент, конечно, хороший, но на деле — полная туфта. Не знаю я его слабых мест, потому что их нет. И ложь его не распознаю, ведь как впоследствии выяснилось: я ему полностью доверяла, а он мне всю дорогу лил в уши.

— С твоей стороны всё понятно, — Андрей сначала глянул на дверь, убедился, что закрыта, и лишь после дотронулся до моей руки. — А как насчёт Волохова? Когда вчера с ним разговаривала, не заметила: может, у него остался к тебе… ну, скажем так, мужской интерес?

Изобразила задумчивый вид для правдоподобности.

— Нет у него ко мне интереса, ни мужского, ни какого другого.

— Надеюсь, ты не будешь против, если лично удостоверюсь, что вы сработаетесь? От проекта многое зависит, и я не имею права рисковать.

— Без проблем.

— Поступим так: вечером я приглашу Волохова и его девушку в ресторан на неформальную встречу, вместе поужинаем, я на вас посмотрю.

— Я обеими руками за, — согласилась я поднимаясь. — Ну, раз всё решили, побежала работать.

Вернувшись в свой кабинет, не знаю зачем, и что на меня нашло, но я пнула под столом мусорную корзину и прорычала:

— У этого козла ещё и девушка есть!

Помню, как-то раз слышала, как одна девушка, выступая со стендапом, в шутку жаловалась: какого хрена мой бывший после расставания со мной не скопытился, почему живёт и живёт получше меня с новой дурёхой. Тогда я подумала: ну и мысли, совсем, что ли, ку-ку. А теперь думаю: и правда, почему Дима без меня не загнулся?

От предстоящего ужина с Волоховым меня трясло и мутило. Даже не припомню, когда в последний раз что-либо вызывало во мне столь сильное отторжение. Работу по дому я в целом не жалую, но больше всего терпеть не могу мыть холодильник. Когда вытащишь из него всё — кухня превращается в свалку, и возникает чувство, будто ты не порядок наводишь, а разводишь бардак. Но сегодня, будь у меня выбор, с превеликим удовольствием отдраила бы не только свой холодильник, но и десять соседских — лишь бы не идти в ресторан.

Минимум два часа за одним столом со мной будет просиживать эта предательская физиономия Димы — да ещё в комплекте с подружкой. Придётся давить из себя вежливую улыбку и делать вид, что их компания меня не бесит. А если Дима скажет мне гадость — огрызаться нельзя. Единственная защита, которую смогу себе позволить — переводить его колкости в шутку. Впрочем, надеюсь, мне не придётся обороняться, не настолько же Волохов идиот, чтобы кусать меня при Андрее.

Хотя… если вспомнить его вчерашнее поведение у лифта — не факт. Далеко не факт.

Чем ближе подступал вечер, тем настойчивее и громче стучала в голове мысль: а может, послать Волохова вместе с проектом куда подальше, за горы? В какой-то момент я даже малодушно потянулась за телефоном, чтобы набрать Андрея и отказаться от ужина. Но тут в рабочий чат написал Кирилл — и на меня уставилась его аватарка, где он со слащавой улыбкой сидит за столом, и мерзко позирует, подпирая кулаком подбородок.

В итоге я позвонила, но не Андрею, а в салон — и записалась на укладку, чтобы чувствовать себя в ресторане уверенней и выглядеть не хуже подружки Волохова. Макияж сделаю сама, так выйдет в пять раз быстрее, останется только заехать домой и переодеться. Андрей на регулярной основе предупреждает меня о вечерних мероприятиях всего за несколько часов,

первые два раза я с выпученными глазами хваталась за голову: «Что надеть?», а теперь у меня в шкафу всегда висит наготове одежда на любой случай.

Мы с Андреем уже в ресторане. Нет, Дима и его девушка не опаздывают — это мы приехали на двадцать минут раньше. Заведение новое, открылось всего месяц назад: спокойное, уютное, и главное — не чопорное, какие, как правило, выбирает Андрей. Вот бы Дима вместе с подружкой прочно застряли в лифте и не приехали, мы бы с Андреем поужинали здесь вдвоём, а то именно вдвоём, наедине друг с другом, мы почти нигде не бываем.

Конечно, чудо не произошло: ровно в назначенное время в зале появился Дмитрий — вот прямо секунда в секунду, будто за дверями стоял и ждал, когда войти. Оглядев бывшего, я с неудовольствием отметила, нет, мне не показалось, он действительно стал привлекательнее. Ещё один мужской козырь — они с годами могут становиться более привлекательными, обретая ещё большую мужественность. У женщин такой трюк выходит гораздо реже, если не сказать — почти никогда.

Настроение у меня и так было ниже плинтуса, а когда спутница Волохова показалась из-за его спины, у меня от красоты девушки приоткрылся рот, а настроение рухнуло ещё ниже в район подвала. Где он такую себе отхватил? Вот где? На конкурсе красоты? Я считаю себя привлекательной, внешность определённо мой козырь, я уверенная в себе и состоявшаяся, но, глядя на длинноногую и рыжеволосую новую любовь Димы, ощутила самую настоящую и стыдную зависть.

Да блин, как так-то?!

Ужин определённо выйдет ещё гораздо невыносимей, чем я себе воображала.

Дмитрий посмотрит на свою девушку, потом на меня — и вывод в его глазах не заставит себя ждать: его девушка моложе, красивее, я обычная земная, а она настоящая фея и топ-модель.

Если ещё выяснится, что у девушки отец банкир, что она успела получить три высших образования, с восемнадцати лет имеет свой бизнес или уже известная актриса, с четырёх лет занималась балетом, а с шести брала уроки скрипки, — я вообще залезу под стол и там сдохну.

— Вовремя, — с одобрением отметил Андрей, увидев приближающегося партнёра. Для моего мужчины непунктуальность — страшный грех.

— Ага, — поддакнула я, лишь бы хоть как-то отреагировать, а сама всё никак не могла перестать оценивать девушку Волохова.

Первое — она не модель, как я вначале подумала, по крайней мере, не профессиональная: это чувствуется по походке. Второе — она от Дмитрия без ума, вцепилась в его локоть так, будто на них уже летит толпа женщин с целью его у неё отобрать. Готова поспорить, Волохов от её обожания в полном восторге.

— Эффектная у Дмитрия Романовича девушка, — сказала я, и Андрей вновь взглянул на пару, будто до этого в их сторону и не смотрел.

— Вполне, — согласился он таким же равнодушным тоном, каким оценивал её взглядом.

Как же я это в Андрее ценю. Ни разу не видела, чтобы он хоть на кого-то даже приблизительно посмотрел с восхищением или похотью. Нет и ещё раз нет. Он других женщин будто вообще не замечает.

Когда Волохов со своей златокудрой феей к нам подошли, началось знакомство и посыпались дежурные фразы. Фею, кстати, звали Евой — имя ей шло, такое же красивое, как и сама девушка. Наконец, мы расселись, я напротив Андрея, Дима напротив Евы.

Заметив, что компания в сборе, к нам тут же подошёл официант, раздал меню и уточнил, какие принести напитки. Все углубились в изучение блюд. Ева сначала хмурилась, читая меню, а потом принялась советоваться с Андреем и уточнять у него чуть ли не по каждой позиции: не слишком ли острое, не сладкое ли, не жирное ... Дима воспользовался моментом, наклонился в мою сторону и сказал:

— Сногсшибательно выглядишь. Признавайся, для меня старалась.

Впившись в Волохова взглядом под названием «Совсем оборзел!», осторожно покосилась на Андрея и Еву.

Фу-ух. Пронесло.

Хоть Дима и говорил достаточно громко, судя по тому, как Андрей и Ева непринуждённо обсуждали меню, а не таращились на нас с ошарашенными глазами, они ничего не услышали.

Повернулась опять к Волохову — этот, вольготно развалившись в кресле, с улыбкой листал меню. Экстремал, мать его. Не может же он не понимать, что только что рискнул партнёрством с Андреем. И ради чего? Ради секундной радости потрепать мои нервы. Ну такая себе награда, особенно с учётом высокой ставки.

Официант принял у всех заказы, и за столом завязалась беседа. Встреча была не рабочей, скорее дружеской, но говорили, конечно, в основном о делах. И только мужчины. Ева не участвовала в разговоре, как мне показалось, хотя могу и ошибаться, потому что не очень понимала, о чём идёт речь. Я помалкивала, потому что банально боялась открыть рот и дать Диме шанс для манёвра — сказануть ещё что-нибудь этакое.

В какой-то момент Андрей посмотрел на меня, затем на Еву и обратился к Диме:

— Девушки уже заскучали, предлагаю сменить тему.

— Еве, думаю, и правда слушать нас не совсем интересно, — Волохов улыбнулся подружке и перевёл взгляд на меня. — А Вероника Николаевна точно в своей стихии, работа для неё — смысл жизни.

— Вы работаете? — неожиданно спросила у меня Ева, причём крайне удивлённо, будто работающая женщина — это не абсолютная норма жизни, а нечто, на целый километр выбивающееся из ряда.

У меня чуть было не вырвалось «разумеется», но вовремя прикусила язык. Если Ева на данный момент не трудоустроена, такая формулировка ответа могла её обидеть. Хотя где-то в душе я была не против задеть эту дивную фею, но не потому, что она плохой человек, а потому что я бывшая Волохова, а она нынешняя. Это недостойный повод её недолюбливать: в мыслях ещё ладно, могу относиться к ней как хочу, на то они и мои мысли, а в жизни постараюсь быть с ней как минимум вежливой.

— Да.

— А зачем? — последовал от Евы новый вопрос, и вроде бы простой, но из-за очевидности ответа я даже не нашлась что сказать, промедлила, и подруга Волохова пустилась рассуждать. — Я просто не понимаю, зачем такой девушке, как вы, работать. Вы должны заниматься собой, саморазвитием, копить энергию — и делиться ею с Андреем Сергеевичем. Это гораздо важнее, чем ходить в офис и перекладывать с места на место бумажки.

Жизненная философия Евы меня покоробила, однако куда сильнее возмутило её заявление про бумажки и будто я кому-то что-то должна. Мужчины отреагировали гораздо спокойнее: губ Андрея коснулась лёгкая снисходительная улыбка, а Волохов так и вовсе, как ни в чём не бывало, пригубил из бокала.

— Делиться энергией? — повторила я с самым серьёзным видом. — Это какая-то сверхспособность, я точно ей не владею. Дмитрий Романович, — резко повернулась к Волохову. — И как? Помогает? Вы ощущаете прилив сил, когда Ева с вами делится?

Дмитрий, конечно, не смутился — потому что не умеет, а его выразительный смеющийся взгляд говорил: «Резвишься? Ну-ну».

— Ещё как ощущаю. Только за счёт дополнительных сил по утрам и встаю.

Ева просияла, явно приняв сказанное за чистую монету.

— Вот видите! Главная задача женщины — вдохновлять. Вот я, например, даже не стала дальше учиться. Окончила школу — и хватит. Родители настаивали, уговаривали поступать, но

я отказалась. Зачем? В наше время многие добиваются успеха и без корочки, которая никому не нужна.

Андрей задумчиво покрутил в пальцах бокал.

— Доля правды в ваших словах есть, Ева, — сказал он ровно. — Среди моих знакомых есть несколько человек, которые, не имея диплома, основали прибыльное дело.

— Согласна, такие уникумы существуют, — кивнула я. — Но то уникумы, и не о них же сейчас речь. Суть в том, когда у женщины за душой нет ни образования, ни опыта работы, а есть лишь финансовая поддержка мужчины, ей стоит беспокоиться о будущем. Не обязательно, конечно, но вдруг её мужчина начнёт подпитываться энергией где-то на стороне, от её энергии откажется и попросит освободить жилплощадь. Тогда у женщины начнутся перебои с питанием и трудности с крышей над головой.

Ева закатила глаза — картинно, с выражением, будто я дитё неразумное и рассуждаю о том, в чём совсем не разбираюсь.

— Мужчина перестаёт нуждаться в энергии своей женщины либо идёт искать её у другой всегда по одной-единственной причине: его женщина чего-то ему недодала. А если она всё делает правильно, ей не о чем беспокоиться.

То есть если мужчина сходил налево — это не потому, что он похотливый кобель, а потому что женщина ему чего-то недодала? Как пить дать, это убеждение ей внушил Волохов, чтобы в случае чего, потом с умным видом сказать: «Не я виноват в измене, а ты. Теперь посиди и подумай над своим поведением и над тем, как будешь его исправлять».

Глава 3

Ева вся засияла. Я же промолчала — ничего ей не ответила, и последнее слово осталось за ней. Она расценила это как свою полную и безоговорочную победу. Сидит, плечи расправила, довольная… И фиг с ним. От меня не убудет, а дурёхе приятно.

В глубине души я ей сочувствую, как и другим таким же недальновидным девочкам, которые, встретив своего «прЫнца», наивно полагают, что всё: жизнь удалась, можно расслабиться. Меня любят, холят, шмотки покупают по цене не подбитого «Боинга», виллы снимают для отдыха… А спустя какое-то время «прЫнц» решает: поистрепалась его принцесса, пора подыскать кого посвежее. И идёт наша принцесса вся в брендах, сама не знает куда, а идти некуда: всё имущество принца куплено до женитьбы, а что приобретено в браке — записано на маму, на брата, на внучатого дядю племянника. В общем, тоже не делится.

«Жили долго и счастливо» достаётся не каждой, увы. Но Ева ещё молодая, время поумнеть у неё есть. Хотя лично я ставлю на жизненный урок от Волохова. Он мастер запускать женщин в розовые облака, а потом безжалостно оттуда их сбрасывать. Я думала, что единственная на всём свете, а он за моей спиной… До сих пор, как вспомню ту мерзкую ситуацию — тянет помыться.

Разговор потёк дальше. Спорных тем больше не поднимали, говорили, можно сказать, чуть ли не о погоде.

— Отлучусь на минутку, — сообщила Ева, поднимаясь из-за стола, но вместо того чтобы пойти по своим кошачьим делам, зачем-то встала и пристально уставилась на меня.

Чего ей надо? Не разрешение же?

Или она предлагает мне прогуляться вместе? По принципу «девочки всегда посещают туалет хором»? Ну уж нет. Я не до такой степени ку-ку, чтобы с девушкой бывшего жениха шастать по туалетам. Общаться ведь придётся: на вопросы отвечать, свои задавать. А оно мне не надо.

Улыбнулась девушке и, демонстративно взявшись за вилку с ножом, принялась пилить отбивную: мол, не жди, я ем.

Ева даже толком не успела отойти от стола, как Андрей достал телефон, глянул на экран и тоже засобирался.

— Прошу прощения, важный звонок, придётся ответить.

Вот же хрень… Оставаться с Димой наедине я совсем не рассчитывала. Сейчас он быстро скинет шкурку добропорядочного партнёра Андрея, оскалит зубастую пасть и вновь, как вчера у лифта, всю меня искусает.

Вовремя я начала есть. Теперь молчу по официальному поводу — с набитым ртом особо не поболтаешь.

От трения об пол под Димой заскрипели ножки его стула — это он ко мне по максимуму пододвинулся, видимо, чтобы кусать было удобнее.

— Ник, как часто вас с Андреем принимают за отца с дочерью? И кто из вас в такие моменты сильнее смущается?

Со всем равнодушием, на какое только способна, подняла на него взгляд и, специально надув щёки, показала на свой рот и замычала, как бы говоря: с удовольствием бы ответила, но, сам видишь, жую.

В ответ получила такую же красочную пантомиму: Дима с понимающим видом покивал — мол, ничего страшного, приятного аппетита.

— Сколько ему лет? — задумался Волохов и, сделав вид, будто вспомнил, сам же ответил: — Сорок девять уже стукнуло, если не ошибаюсь. Двадцать один год разницы. Чем вы по

вечерам занимаетесь, ну, после того как посмотрите новости? С тонометром резвитесь, давление ему меришь?

Вылить бы Диме на голову вон тот острый соус, чтобы медленно растёкся по волосам, накапал на плечи, заляпал рубашку, сполз на лоб, обжёг глаза… Андрею не «уже», а всего сорок девять, и даже на этот возраст он не выглядит. А Волохов говорит так, будто рядом со мной не энергичный, успешный и умный мужчина, а ископаемое.

Не торопясь, дожевала, смакуя, отпила из бокала и лишь после этого с невинными глазами спросила:

— Почему тебя интересует наш досуг? Хочешь свой разнообразить? Надоело смотреть мультики с Евой? Какая у вас разница в возрасте, тоже ведь не маленькая.

Волохов расхохотался, запрокинув голову, и, просмеявшись, ответил:

— Еве двадцать три. Посчитай. Хотя она и правда целыми днями смотрит всякую дичь, не мультики, конечно, а блогеров. Распаковки, обзоры и вся эта муть. Своими рассуждениями о жизни Ева дала тебе целое непаханое поле для критики, а ты прицепилась к её возрасту. Неужели её молодость задела тебя сильнее, чем слова? Ник, тебе ведь ещё нет и тридцатки. Не кажется, что завидовать чужой молодости пока рановато? Это всё жизнь со старпёром: он уже накинул тебе сверху десяток лет. Когда встаёшь, колени ещё не скрипят?

Какого чёрта я здесь сижу и слушаю всю эту чушь? Волохова разве переслушаешь, переспоришь? Где там его подружка? Пойду лучше к ней.

— Мне тоже приспичило, — начала я вставать, но Дима, дёрнув меня за запястье, заставил сесть обратно.

— Всё уже, перегрелся?! — зло зашипела я, пытаясь вернуть себе конечность. — Руки от меня быстро убрал!

Сколько ни стреляла глазами в его лапу, сжимавшую моё запястье, Волохов даже не подумал разжать пальцы.

— Беги от него, пока можешь. Ты знаешь, что он был дважды женат и столько же раз становился вдовцом при крайне подозрительных обстоятельствах?

Ну ни черта себе новости, Андрей был женат — дважды. Мне он рассказал только об одной жене. Она погибла около пяти лет назад в результате несчастного случая. Оставшись в квартире одна, после занятия йогой пошла в сауну прогреть мышцы, выставила слишком высокую температуру, получила тепловой удар и потеряла сознание. Андрей обнаружил её тело лишь на следующий день, когда вернулся из командировки. О другой, да ещё тоже погибшей жене, я слышать не слышала.

— Ты ведь не знала, так? — догадался Дима.

И надо сказать, я всё для этого сделала, перестала резко выдёргивать руку и, остолбенев, уставилась на него с ошарашенными глазами.

— Не говори ерунды, — попыталась исправить я промах. — Просто удивилась, откуда тебе об этом известно.

— Ты, видно, забыла, я получше остальных тебя знаю и сразу выкупаю, когда свистишь. Лучше задумайся, ради чего он....

— А где Андрей Сергеевич? — послышался девичий голосок в паре шагов от нас, и Дима не успел закончить фразу.

Окажись я на месте Волохова и подойди к нам Андрей, а не Ева — подпрыгнула бы как ужаленная. Слишком уж близко мы сидели друг к другу, вдобавок он до сих пор держал моё запястье в заложниках.

Дима же и виду не подал, что что-то не так. С грацией расслабленного кота выпрямился и обернулся к подружке, в этот же момент разжал пальцы и, плавно скользнув по моей ладони, наконец освободил руку.

— Андрей Сергеевич скоро вернётся, вышел поговорить по телефону, — пояснил Дима и даже поднялся, чтобы отодвинуть для своей феи стул.

— Вы тут одни не сильно скучали? — с преувеличенным сочувствием поинтересовалась у него подружка, присаживаясь.

— С Вероникой Николаевной не соскучишься, — отозвался Дмитрий.

Ева, глядя на него снизу-вверх, просияла белозубой улыбкой, зато, когда он возвращался на своё место, расстреляла меня злющим взглядом.

Дима

— Ты чего такая тихая? Наелась и тянет в сон? — спросил я, осознав, что от самого ресторана мы едем в полном молчании, хотя обычно, особенно в дороге, Ева — та ещё голова говорящая.

— Типа того, — выдохнула она, чуть приподняв голову, и снова уткнулась носом почти себе в подмышку. Но, просидев так с минуту, всё же выпрямилась. — Не обижайся, но вечер — тухлятина. Я в ресторане чуть со скуки не умерла. Еда безвкусная, музыка унылая, пианино два часа одну и ту же мелодию брякало, о компании и вовсе молчу. Андрей Сергеевич ещё куда ни шло, но Ника...

— А что с ней не так?

— Всё, — выплюнула Ева, и понеслось. — Терпеть таких не могу. Много о себе возомнила. Дура дурой, зато умничает. Сидела, выпендривалась, мол, у неё работа, должность. Знаю я таких карьеристок, под столом она себе карьеру сделала, ртом и языком, когда у Андрея Сергеевича....

— Ты бы рот свой закрыла, — рявкнул я во всё горло и от злости долбанул по рулю. — Что за дебильная привычка по поводу и без хаять всех подряд? Вероника не умничала — это раз. Два — про свою работу и должность она слова не сказала, я об этом говорил, когда её хвалил. Ты поэтому завелась? Не тебя похвалили? Да что ж это такое, — устало протянул я, услышав горький жалобный всхлип.

Ева теперь не просто уткнулась носом в подмышку, поджав ноги и отвернувшись к окну, она, можно сказать, свернулась в клубок и ревёт, аж вся трясётся.

Опять.

Чуть что — сразу хнычет.

Хотя надо признать, повод у неё сейчас есть, орал я так, будто режут. С чего меня вообще понесло? Сам же чуть ли не слово в слово о Нике говорил то же самое, и не кому-то, а ей самой, прямо в глаза. Но стоило Еве начать её полоскать, в голове аж перемкнуло. Повезло ещё, что у меня приличный водительский стаж и включился автопилот, иначе бы с таким движением расхлестался. В жизни так не бесился, даже когда в меня откровенно плевали, а тут вроде бы всего лишь в Нику.

— Ты нас утопишь, — сказал я, проехав пару километров и чуть успокоившись, похлопал Еву по вздрагивающей от рыданий попе. — Намокнем, замёрзнем, сляжем с температурой.

— Отстань, — дёрнувшись, сбросила она мою руку. — Ты на меня из-за ничего, просто так наорал. А теперь шутки шутишь.

— Я не хотел, — выдохнул я. — Само как-то вышло. Не обижайся.

Заёрзав, Ева выпрямилась на сиденье, открыла зеркало на козырьке и, надув обиженные губы, принялась обтирать лицо влажной салфеткой.

— Если этот отстойный вечер закончится походом в кино, не обижаться на тебя, мне будет проще.

Твою же...

— Я сегодня встал в шесть утра, сейчас почти десять, фильм длится минимум полтора часа, плюс дорога туда и обратно, а завтра тоже вставать в шесть.

Ева поджала губы и опять отвернулась.

— Как насчёт альтернативы? Фильм посмотрим дома, а чтобы было не так грустно — закажешь ту сумку, которой ты мне всю неделю мозг выносила. Вариант?

— И ещё какой! — просветлев, отозвалась Ева и, зарывшись в сумку, вытащила телефон. — Тогда закажу прямо сейчас, чтобы быстрее доставили. Спасибо, спасибо...

С одной стороны, меня коробит потребительское отношение Евы ко мне. Лихо она в обмен на сумку забыла обиду. С другой — так точно проще.

Если бы я в своё время вот так же сорвался на Нику, она бы вытянула из меня все жилы, выдавила самое искреннее раскаяние и пришлось извиняться хренову тучу раз. А если бы я только заикнулся подкупить её дорогим подарком, например, той же сумкой, через секунду эта сумка оказалась бы на моей голове.

Возможно, именно поэтому за всё время я лишь однажды повысил на Нику голос, в тот день, когда она ушла от меня. Но тогда вообще не было шанса сдержаться, она буквально довела меня до буйного помешательства. Мы так друг на друга орали, что не только посуда — стены тряслись. А когда я с балкона увидел, как она грузит в такси чемоданы и уезжает, — разнёс полквартиры. До того я по большей части отмалчивался. Нет, бывало, и ворчал, если она возвращалась с работы за полночь, едва волоча от усталости ноги. Сама выматывалась — и мне никакого внимания.

В этом плане с Евой удобнее. Приезжаю вечером из офиса — она меня ждёт. Если позову днём вместе пообедать — всегда только за и готова отменить все свои планы. Если предложу слетать отдохнуть — Еве не нужно за полгода согласовывать даты отпуска. Ей требуется лишь пятнадцать минут, чтобы найти документы и одеться в аэропорт. Даже чемодан не собирает — всё покупает на месте.

— Заказала! — похвасталась она и счастливо запищала. — И-и-и...

Глядя на Еву, вздохнул. Жаль, но простое и удобное редко оказывается лучшим и самым желанным.

Покупка Еву воодушевила, и дальше дорога пошла веселее. Поначалу она болтала без умолку, затем придвинулась ближе и прижалась. Её рука очутилась у меня... чуть выше колена и, как её губы, зажила своей блудливой жизнью, по максимуму отвлекая меня от дороги. Доехали кое-как — даже смутно помню, как парковался.

Только зашли в лифт, и там началось ровно то, что оборвалось в салоне машины. Если бы на нас из угла не пялился мигающий глазок камеры, то, скорее всего, где-то между этажами в кабине случилось грехопадение.

Обтерев спинами все стены в подъезде, мы не вошли в квартиру, а ввалились. В прихожей оторвались друг от друга всего на пару-тройку секунд, чтобы не бросать верхнюю одежду на пол, а более-менее нормально раздеться. И если я как порядочный снял только пальто с обувью, то Ева стянула с себя всё подчистую. Запрыгнула на меня, обвила ногами и так доехала на мне до спальни.

— Ты как, живая? — протянул я, спустя час выйдя из душа и застав Еву на кровати всё в той же распластанной позе, в какой она лежала, когда уходил.

— Не знаю. Ближе к «нет», чем к «да». На тебя уже второй день что-то находит, и ты становишься агрессивно неугомонным. Не поверишь, но я до сих пор поджимаю на ногах пальцы.

— На меня, значит, что-то находит? — подошёл к кровати, звонко шлёпнул её по бедру и завалился рядом. — Вообще-то, это не я шарил у тебя в штанах, когда ты была за рулём. Кстати, не подскажешь, почему у нас в ванной начались перебои с чистыми полотенцами? А на кухне грязная посуда как стояла в посудомойке с утра, так до сих пор стоит и воняет?

Ева быстро очухалась и с головой заползла под одеяло.

— Ты опять уволила домработницу? — догадался я.

— Она на меня зыркала, — раздался жалобный писк. — Мы ей платим, чтобы она за порядком следила, а не пялилась на меня, как строгая мамаша на непутёвую дочь. Клянусь, я

слышала её мысли: «Сидишь дома целыми днями, могла бы помыть полы и сама». Злишься? — спросила она, высунувшись из укрытия с виноватой мордашкой.

— Ева, это уже третья уволенная домработница за последние полгода. Сама как считаешь? Первая — ещё ладно, согласен, её действительно надо было гнать. Но две последних — абсолютно вменяемые женщины, и работали хорошо, не придерёшься.

— Ты же завтра наймёшь новую, да?

— Нет, — выдохнул я. — Раз не ладишь с помощницами, теперь будешь сама и стирать, и гладить, и готовить, и убирать.

— Как это — сама?! — вырвалось у Евы с паникой. — Я не умею! Мама с бабулей говорили: «Ещё намоешься, наубираешься» — и меня берегли, по дому вообще ничего делать не заставляли. У меня не получится.

— Я в тебя верю, — хмыкнул я и, почувствовав, что засыпаю, прикрыл глаза. — Дело это трудное, но нехитрое. Научишься. Спустя год или даже два, гарантирую, если придёт новая домработница, последнее, что будет тебя волновать, это то, как она на тебя смотрит. И даже если сильно захочешь, мыслей её не услышишь.

— Ну Дима-а-а...

— Вопрос решён. Топай в душ и ложись спать. Завтра у тебя трудный день. Надо убраться, приготовить ужин и не забудь поменять полотенца.

Глава 4

Наконец, ужин закончился. Волохов с подружкой потопали на парковку к своей машине, а за нами к входу ресторана подъехал водитель. И если Андрей, сидящий рядом со мной на заднем сиденье, выглядит расслабленным, то я от напряжения ощущаю себя одним сплошным комком судороги: на меня давят сразу два вопроса. Почему Андрей промолчал про вторую жену — или, если точнее, скорее всего, про первую? И прошла ли я его тест? Не решил ли он отдать проект этому гаду Кириллу из-за моих прошлых отношений с Волоховым?

Первый вопрос — ещё ладно. Не сказал Андрей о своей трагедии — и не сказал. Не был обязан. Да и если разобраться, его можно понять. Вполне возможно, ему до сих пор не то что говорить — вспоминать об этом больно. Или он побоялся, что я увижу в двух погибших жёнах подозрительную закономерность. Либо ещё что-то.

Не мне его судить. Я тоже перед ним душу наизнанку не выворачивала, в моём шкафу, если хорошо поискать, тоже найдутся скелеты. Один — под названием «Волохов» — недавно так некстати вывалился и обратно даже при большом желании не убрать.

Зато второй вопрос, касающийся проекта, беспокоит так, что я уже всю нижнюю губу искусала. Чувствую себя студенткой на пересдаче у преподавателя-монстра: работу сдала, он проверил, а результат не озвучивает. Можно не мучиться и спросить, но я молчу, потому что страх перед возможной неудачей лишил языка.

Буквально вчера, возвращаясь из командировки, я слушала в самолёте книгу о личностном росте. Автор советовал: если вы попали в сложную ситуацию — сделайте всё, что от вас только зависит, и расслабьтесь. Не тратьте ни силы, ни нервы на переживания, а спокойно ждите результата.

Так я и поступила. До начала следующего рабочего дня запретила себе думать и о проекте, и о довольной харе Кирилла, если проект всё-таки достанется ему. Пододвинулась ближе к Андрею и, положив голову ему на плечо, прикрыла глаза. Благо перед водителем мы давно уже не шифруемся и позволяем себе в его присутствии вот такие невинные проявления чувств. А раньше мы и при нём обращались друг к другу на «вы» и по имени-отчеству.

— Устала? — сразу приобнял меня Андрей и одарил поцелуем в макушку. — Ничего, ехать осталось недолго, скоро отдохнёшь.

Представила себя без каблуков, под тёплым одеялом, на мягкой подушке — и улыбнулась. Но тут осознала, что понятия не имею, где сегодня мне предстоит отдыхать? У себя? У Андрея? Чтобы понять, к кому из нас мы едем, выпрямилась и осмотрелась по сторонам.

— Я сказал Михаилу, чтобы он вёз нас ко мне, — угадав, зачем оглядываюсь, пояснил Андрей и добавил чуть тише. — Вчера ты обещала у меня переночевать. Мы почти месяц не оставались наедине — я соскучился.

В квартире Андрея мы разбрелись каждый по своей ванной комнате. Преимущество премиального жилья — в мастер-спальне две ванные и две гардеробные: для «него» и для «неё».

Андрей освежился быстрее, и когда я вышла из ванной, он уже лежал в кровати и, в очках, что-то читал в телефоне. Перед тем как лечь, сняла накинутый на голое тело халат. Вообще-то, мне бы хотелось забраться в постель к Андрею в красивой воздушной сорочке, чтобы он потом с меня её снял. Это мой пунктик: завожусь, когда мужчина меня раздевает. Но у Андрея на этот счёт другое мнение: зачем что-то снимать, если можно изначально не надевать?

И я уступила ему и в этом, как и во многом другом. Не спорить с Андреем — выработанная привычка. Позиция «начальник – подчинённая» сохраняется между нами даже вне офиса. Есть минусы в том, когда твой любовник и твой босс — один и тот же мужчина.

Прильнув к Андрею всем телом, уткнулась носом в его шею и призывно поцеловала.

— Одну секунду, — попросил он, действительно быстро дочитал, убрал телефон, погасил свет — и переключил всё внимание на меня.

Андрей — практически идеальный мужчина: умный, обязательный и надёжный. Я им искренне восхищаюсь. Но страстным любовником его не назовёшь, близость — не самая его сильная сторона. Нет, он ласковый, нежный, предупредительный, и в физическом плане у него там всё отлично функционирует. Но он... не пылкий. И без фантазии.

Но я научилась одной хитрости и с помощью обходного пути всё-таки получаю с ним в постели свою порцию удовольствия: закрываю глаза — и представляю много чего разного, что он со мной вытворяет. Сегодня тоже прибегла к своему трюку. И если раньше у моего воображаемого партнёра было лицо Андрея, то сейчас, как ни старалась прогнать, почему-то маячила физиономия Димы.

Причём я даже не воображала, а вспоминала. И мне было что вспомнить: если Андрей — тихая заводь, то Волохов — бурлящие, кипящие, неутомимые и ненасытные воды.

— Ник, тебе больно?

— А?

— Ты стонала и меня поцарапала. Я тебе ничего не отдавил?

Ну как так-то… Я ведь уже почти была на пике. И — облом.

— Я не от боли стонала, — прошептала я, стараясь, чтобы это прозвучало не раздражённо. — И царапалась не поэтому. Наоборот, мне было очень и очень хорошо, — выдохнула я в надежде продолжить и снова забраться на ту самую точку.

— Там, где ты царапнула, у меня родинка. Постарайся её не задевать.

Да блин. Теперь точно всё. Разрядки сегодня мне уже не видать.

Обозвав будильник «скотиной», выключила его и тут же села, чтобы на корню убить надежду хоть ещё немного поспать. Ругаться вслух не боялась, по расписанию у Андрея сейчас двадцатиминутная тренировка. Это его неизменный ритуал начала дня, и ни при каких обстоятельствах он его не пропускает. Однажды я наблюдала за Андреем во время занятия, когда мы были чёрт-те где в командировке, ночевали в гостинице и ему некуда было уйти. Крайне эстетичное зрелище, помесь восточных боевых искусств, дыхательной гимнастики и растяжки.

Представляю, как бы Волохов закатил глаза и пренебрежительно фыркнул, увидь он тренировку Андрея. Заявил бы, что это полная хрень. Сам он занимается не так часто, зато до полного изнеможения. Пока не выжмет из организма весь максимум и даже больше, тягать железо не перестанет.

Да что со мной не так? Только глаза продрала, а в голове уже сидит бывший. Если ещё раз его без надобности вспомню, дам себе подзатыльник.

Не только самочувствие, но и зеркало в ванной утверждало: я сегодня не выспалась. Хотя легли мы не так уж и поздно, но я раз десять за ночь проснулась, за проект переживала. Сама виновата. Не надо было быть такой трусихой и ещё вчера, как только вышли из ресторана, сразу спросить у Андрея прошла ли я тест. В конце концов, мы с ним спим — должны же у меня быть хоть какие-то привилегии.

К моменту, когда я — уложенная и накрашенная, только ещё не одетая в офис — зашла на кухню, Андрей уже стоял у плиты и готовил нам завтрак. Пахло гречневой кашей, чуть меньше — кофе и глазуньей.

Подошла к нему со спины, обняла и промурлыкала:

— Умный, красивый ещё и завтрак сам готовит, Андрей Сергеевич, вы идеальный мужчина.

А ведь я далеко не такая святоша, как порой о себе думаю. Этот порыв нежности и комплиментов не на пустом месте вырос, это я только что умаслила Андрея, прежде чем спросить его о проекте.

— Стараюсь вам соответствовать, Вероника Николаевна, — игриво отозвался он, обернувшись и быстро поцеловав меня в губы. — Садись за стол, у меня уже всё готово.

Не сказать, что несолёная гречка с такими же пресными яйцами способствовала аппетиту, но, зная, что на работе всё может так закрутиться и завертеться, что в следующий раз поем только вечером, ничего уплетала, не жаловалась.

— Ты уже решил, кто будет курировать проект с Волоховым? — как бы между прочим спросила я, а на самом деле начала настраиваться на этот разговор, ещё в ванной, когда чистила зубы.

Андрей не кинулся сломя голову мне отвечать. Сначала он дожевал, отложил приборы и, наклонившись чуть ближе, проницательно, как умеет только один он, заглянул мне в глаза.

— Я наблюдал за вами весь вечер. По тебе сказать сложно, ты знала цель ужина и неосознанно могла вести себя по отношению к Волохову куда ровнее, чем оно есть. Зато с ним всё более-менее ясно. Он обращал на тебя куда больше внимания, чем на свою девушку. Я не говорю, что он тебя любит, но какие-то чувства к тебе у него точно остались.

Конечно остались — отрицательные, судя по тому как он старательно кусает меня, я его раздражаю.

— И? — протянула я с любопытством, но без волнения. Без видимого волнения — в голове-то я у себя слышала панический крик.

— Его чувства к тебе не помеха, я бы даже назвал их преимуществом. Так, тебе его контролировать будет проще. Но..., — запнулся Андрей. — Ника, скажи, если ты займёшься проектом, я об этом не пожалею? Ты не создашь мне проблем? Я могу на тебя положиться?

Я догадывалась, что он спросит о чём-то подобном, и прилежно заранее подготовила, как мне тогда казалось, правильный ответ, в котором планировала объявить о своей преданности как лично Андрею, так и его фирме, но теперь, мысленно прокрутив его в голове, поняла — прозвучит фальшиво, надо говорить правду, пусть даже немного причёсанную.

— Мы должны были пожениться, но расстались одним днём. За три года никто из нас другому не написал, не позвонил, не попытался вернуть. Я этого не сделала, потому что Волохов за секунду убил все мои чувства к нему, а он либо потому, что никаких чувств ко мне у него никогда не было, либо их не стало ещё до того, как мы расстались. И нет, я не отношусь к нему ровно. Как любая другая девушка, преданная мужчиной, я держу на него обиду, но она не настолько серьёзная, чтобы стать помехой нашей совместной работе.

— Хорошо, проект твой, — кивнул Андрей и, снова взявшись за приборы, с досадой вздохнул. — Передержал я на огне в этот раз яйца.

— Ника, ты скоро? Нам уже пора выходить, — поторопил меня из спальни Андрей, пока я в гардеробной натягивала брюки от унылого, но такого удобного серого костюма.

— Ещё буквально пара минут, — отозвалась я, застёгивая молнию.

— Кстати, чуть не забыл предупредить, сегодня в первой половине дня подъедет Волохов, чтобы ввести тебя в курс дела. Потом заглянешь ко мне, расскажешь, как всё прошло?

— Хорошо, — крикнула я и глянула на себя — всю серую — в зеркало.

Через минуту серый костюм валялся в углу бесформенной кучей, а я прыгала в одном нижнем белье и гремела вешалками в поисках новой белой рубашки и той самой дурацкой — чересчур узкой, но эффектной — красной юбки.

И нет, я переоделась не для того, чтобы хорошо выглядеть перед Димой, а чтобы он видел, кого потерял. Да-да, а потом по дороге домой плакал в машине. Хотя, если честно, даже если бы я пришла на работу вовсе без юбки, вряд ли затмила бы его подружку. Её попа на пять лет моложе и от постоянного сидения в кресле по десять часов в сутки не стремится к форме квадрата.

Первую половину дня просидела за столом, не снимая каблуков и не переобуваясь в тапочки, разгребла завал бумаг, чтобы сразу становилось понятно: я не только компетентный,

но и аккуратный сотрудник. А стоило кому-то начать открывать дверь кабинета, как я подпрыгивала вместе с креслом. Но кое-кто, такое ощущение, будто из вредности, так и не появился.

После обеда мне надо было в стройнадзор, позвонила Андрею, сказала, что мне нужно отлучиться, а его обещанного визитёра всё нет и нет.

— Ника, если вопрос срочный, конечно, поезжай. Волохов сказал, что возможно приедет, в крайнем случае он тебя подождёт.

Из стройнадзора вернулась только в четыре: выпотрошенная бюрократией, обессиленная стремительно меняющимися законами и лохматая, потому что от такого дурдома хоть у кого волосы встанут дыбом. Другой, вернее другим, от них даже Андрей не возвращается.

Подходя к своему кабинету, я предвкушала, как заварю себе чай, достану из неприкосновенного запаса шоколадку… Но, открыв дверь, сначала остолбенела, а потом попятилась назад.

Всё, доработалась. Совсем крыша поехала — зашла не в свой кабинет.

Посмотрела на электронный ключ в руке. Если это не мой кабинет, почему тогда ключ подошёл? И на одном из столов валяется моя неоригинальная розовая зарядка и стоит моя чёрная кружка с белым котом? Но опять же вопрос — почему в кабинете два стола, а не один?

— Неплохо получилось, да? — раздалось возле уха, а на талию легли руки.

— Твою же... — Я не просто вздрогнула, я от испуга, задрыгав руками, подпрыгнула. — Дима, ты обалдел, что ли?! На кой так пугать? Я чуть богу душу не отдала! — рявкнула и со всей силы стукнула его по груди. Последнее — не специально, получилось на автомате.

Благо он даже внимания не обратил на, по моему мнению, увесистую затрещину, только ещё шире заулыбался.

— А-я-яй, колени скрипят, нервы шалят, это всё последствия слишком близкого общения со старпёром. Бросай его пока не поздно, а то в один прекрасный день обнаружишь у себя во рту вставную челюсть.

— У меня хоть варианты остались, — проворчала я. — А на тебе можно смело поставить крест, от общения с вчерашней школьницей у тебя в одном месте на баяне во всю играет детство. Четвёртый десяток, а он к людям подкрадывается со спины и пугает.

— Со мной всё ясно — пропащий. Лучше расскажи, ты почему, когда открыла дверь, вместо того чтобы войти, на пороге плясала? Неужели престарелый ухажёр не предупредил, что отдал мне половину твоего кабинета?

Чего?!

Значит, непонятно откуда взявшийся второй стол — стол Волохова!

Твою же мать!

Ладно, сейчас некогда — после поматерюсь.

— Опять ты какую-то ерунду городишь, — закатила я глаза, взяв себя в руки. — Запомни, что касается компании — я всегда в курсе всего. Но я действительно удивилась, потому что никак не ожидала, что у тебя хватит наглости передвинуть мой стол и мой шкаф.

— Ника, а как по-другому? Если бы я их не тронул, мой стол бы не влез, — с умным видом заявил Дима.

— Неправда, — не согласилась я, прошла внутрь кабинета и ткнула пальцем в вешалку. — Если её убрать, твой стол аккурат войдёт в этот угол.

Волохов проследовал за мной, посмотрел на вешалку и нахмурился.

— То есть я должен сидеть у входа, будто твоя секретарша?!

— Конечно, нет! — возразила я. — Ты ж мальчик. Значит — секретарь.

Глава 5

— Благодарю, но вынужден отказаться. Меня вполне устраивает место, которое я выбрал. И завязывала бы ты врать: я же тебя насквозь вижу. О нашем соседстве ты понятия не имела.

— Ой, — отмахнулась я от Волохова. — Думай как хочешь, мне некогда с тобой спорить.

И как спорить без аргументов? Виноват в этом, между прочим, Андрей. Неужели трудно было предупредить? И дело даже не в том, что мы сегодня проснулись в одной кровати и вместе завтракали. Я сотрудник его компании, а Дима — внешний партнёр, то есть лицо почти вражеское, и действовать против него нам полагается сообща.

И в этот раз я не смолчу — всё Андрею выскажу. Прямо сейчас, пока запал не пропал.

Чтобы мой уход из кабинета не походил на трусливый побег, сняла пальто и у своего стола принялась вытаскивать из папок документы — брала всё подряд, но делала вид, будто тщательно и осознанно выбираю.

Волохов, развалившись в своём кресле, поначалу молча за мной наблюдал, да таким ощупывающим взглядом, что хотелось рявкнуть: «Ты бы руки убрал», но потом всё же поинтересовался:

— Уходишь?

— Конечно. Я же не просто так сказала, что занята, у меня срочное дело, — заявила я и, обнимая стопку бумаг, с важным видом направилась к выходу.

— А мне чем прикажешь заняться? Я приехал лишь для того, чтобы ввести тебя в курс дела.

Улыбнулась — ну хоть тут есть чем крыть.

— Ты ведь обещал приехать в первой половине дня, не так ли? Мне пришлось перекроить весь свой график и ждать. Теперь глянь на часы и скажи, сколько времени? Опоздал — вот и подстраивайся теперь под меня, — произнесла я и, довольная собой, двинулась дальше.

— Опять заливаешь, — прилетело мне насмешливо в спину уже в дверях. — Нет у тебя никакой срочной работы. Ты пошла своему престарелому по голове настучать за то, что он меня к тебе подселил, да ещё и без предупреждения.

Вместо ответа громко хлопнула дверью.

Если так и дальше пойдёт, рядом с Волоховым мне будет страшно думать. Хоть шапочку из фольги надевай. Он и правда будто мысли читает. Хренов Нострадамус.

В приёмной положила прихваченную для реквизита кипу бумаг на край стола секретарю.

— Оля, пусть это пока здесь полежит, хорошо? Когда выйду от Андрея Сергеевича, заберу, — предупредила я девушку, которая говорила по телефону и одновременно на клочке бумаги что-то строчила.

Она с улыбкой кивнула.

Заметив, как сильно дрожат пальцы, налила себе воды и присела на диван. Посижу, попью, немного остыну — иначе поход к Андрею грозит закончиться моим увольнением.

— Можете заходить, Андрей Сергеевич на месте, у него сейчас никого нет, — сообщила мне Ольга, едва закончила разговор.

— Спасибо. Зайду. Через пять минут.

— Ой, — девушка, глядя на меня, прикрыла рот ладонью. — Я же совсем забыла вам позвонить. Андрей Сергеевич просил передать, что в вашем кабинете временно разместится Дмитрий Романович — новый партнёр, не знаю, встречались вы с ним или нет, он такой высокий, молодой и... симпатичный.

Судя по мечтательному взгляду и порозовевшим щекам, Ольга охарактеризовала бы моего бывшего куда более конкретно и хлёстко, например «охренительно великолепный», но постеснялась.

Не знаю, что именно Ольга увидела в моих глазах, что я тащу её за волосы в туалет и топлю в унитазе или прямо здесь душу проводом от монитора, но, поджав уши, она сползла вниз по спинке кресла чуть ли не под стол.

— Вы вернулись из стройнадзора, а в вашем кабинете чужая мебель и новый сосед. А вы и не в курсе. — пропищала она из-под стола. — Простите.

Не знаю почему, но меня сразу отпустило. Наверное, потому, что обо мне забыл не мой мужчина, а всего лишь коллега — человек посторонний.

Одним глотком допила воду и встала.

— Ольга, в следующий раз сообщения от Андрея Сергеевича передавайте мне сразу, не надейтесь на память.

— Обещаю, — закивала она.

Андрей, увидев меня, удивлённо посмотрел на часы и заметил:

— Быстро ты освободилась. Как прошло с Волоховым, договорились?

— Даже не начинали, — фыркнула я.

— Почему? Он тебя не дождался?

— Дождался, — протянула я медленно и недовольно.

Отодвинув ноутбук, Андрей откинулся в кресле и резко похолодевшим тоном спросил:

— Что с голосом, чем ты недовольна?

— Думаю, ты знаешь, — я не присела, а встала возле стола, облокотившись на него ладонями. — Другого места для Волохова не нашлось? Обязательно было подсаживать его в мой кабинет?

— Во-первых, из всего руководства у тебя самый большой офис, во-вторых, именно ты работаешь с Волоховым…

Не стала дожидаться «в-третьих» и прошипела:

— На шестом этаже возле кадров уже полгода стоит пустой кабинет. Почему бы Волохову не переехать туда? Я лично займусь обустройством, сделаю всё в лучшем виде.

— Потому что я решил, что он будет работать в твоём! — гаркнул Андрей. — Вопросы ещё есть?!

— Нет, — слегка мотнула я головой, борясь с губами, которые от обиды предательски тянулись вниз. — Я вас поняла, Андрей Сергеевич, не буду больше отнимать ваше время.

Развернувшись, пошла к двери. Хотелось бежать, но усилием воли заставляла себя идти в обычном темпе, как ни в чём не бывало. Я же не истеричка. Я профессионал. Подумаешь, чуть ли не в первые возразила Андрею, причём не в принципиальном вопросе, и он сразу криком указал, где моё место.

— Ника, — окликнул он меня, затем послышалось, как по полу быстро проехались колёсики кресла, стремительно приближающиеся шаги, а после Андрей придержал меня за локоть. — Я не должен был повышать на тебя голос.

— Не должен, — подтвердила я демонстративно холодно и глядя в сторону.

— Присядем, — предложил Андрей и утянул меня на диван. — Ника, я не говорил, но Волохов как партнёр нужен мне не меньше, чем я ему. Не мог я его разместить в том кабинете — он не на этаже руководства. Волохов не станет приезжать часто, один-два раза в неделю. А потом, раз уж ты с ним работаешь, тебе самой будет удобно иметь его под рукой. Ещё мне нужны рядом с ним внимательные уши и глаза — по крайней мере, когда он здесь, в здании.

К себе я возвращалась, даже не надеясь, что Дима убрался, и не ошиблась, открыв дверь, застала его в моём кресле за моим столом.

— Получила уже указания шпионить за мной? — подняв на меня глаза, поинтересовался он, без капли смущения выдвинув верхний ящик.

В зеркало я себя не видела, и было не нужно. Я и так почувствовала, как моё лицо приобретает выражение строгого завуча, застукавшего главного школьного хулигана в дымном туалете, с сигаретой в зубах и черкающего маркёром на стене неприличное слово.

Выразительно глядя на творящееся безобразие, покашляла.

Никакого эффекта это не возымело, мало того, что Дима не устыдился, он ещё и руку запустил в ящик.

— Ты совсем берегов не видишь? А ну, прекращай! — зашипела я и, подлетев к столу, захлопнула ящик.

Увы, Волохов успел отдёрнуть руку — пальцы я ему не отдавила. К тому же он остался с уловом: сцапал мой неприкосновенный запас, початую шоколадку, ту самую, с которой я собиралась пить чай.

— Негусто у тебя с провизией в кабинете, — заметил он, снимая обёртку и одним укусом уничтожая половину моего стратегического запаса. — Это не шоколад? Это пепешная гадость! С каких это пор ты записалась в мутную секту зожников и покупаешь шоколадки без сахара?

С тех самых, как из-за тебя разъелась до габаритов бегемота, а потом полгода ходила злая и голодная, скидывая вес.

— Дима, прежде чем тянуть что-то в рот, читал бы хоть этикетку. Это не шоколадка. Это эффективная и быстродействующая отрава для крыс, по крайней мере, так именно сказал продавец в магазине для дачников. Я в своём подъезде возле мусоропровода увидела одну хвостатую — вот и купила. Беги в туалет, суй два пальца в рот.

Волохов, глядя на меня, нервно сглотнул, но, поразмыслив, скептически сощурился.

— Нет, — мотнул он головой. — Я тебя знаю. Если бы я действительно съел отраву, ты бы уже сама пихала мне пальцы в рот, параллельно звоня в скорую.

— Если настолько уверен в своём мнении обо мне — что ж, — равнодушно пожала плечами и сунула документы в лоток для срочных бумаг, чтобы потом не забыть вернуть их в свои папки.

— Ты меня развела! — воскликнул Волохов, шаря глазами по тексту обёртки. — А ведь я на какую-то секунду поверил.

— В этот раз, да, развела. Но если ещё что-нибудь у меня стащишь, будь уверен, наешься отравы. Кыш с моего места.

Волохов с насмешкой оглядел меня с головы до ног, словно это он меня только что сделал, а не я его, но кресло всё же освободил и, усаживаясь на своё, скомандовал:

— Приступим к работе. И так здесь уйму времени зря потерял.

Едва Волохов заговорил о проекте, как по щелчку пальцев из великовозрастного раздолбая превратился в серьёзного человека — владельца преуспевающей фирмы.

Вещал он со знанием дела, а я, вместо того чтобы вникать, залипала на нём. Ситуация позволяла, и я рассматривала его светло-карие глаза, в которых когда-то тонула, правильный прямой нос, мужественные скулы, волевой подбородок и губы. Губы — это особая тема: выразительные и яркие, с чёткими изгибами, мягкие на ощупь. А как страстно они умеют целовать ночью — это сравнится разве что с их утренними, полными нежности прикосновениями.

Дима, без всяких сомнений, самый красивый мужчина из всех, кого я встречала. Однако притягивает он не столько внешностью, сколько самодостаточностью, уверенностью и где-то даже наглостью. Смотришь на него и думаешь: он точно знает, что делает, никогда в себе не сомневается и всегда найдёт выход из любой, даже самой тупиковой ситуации.

Не знаю, как и когда это случилось, но меня словно вытолкнуло из реальности и забросило в прошлое, в тот день, когда мы с Димой впервые встретились.

Даже запах осени ощутила, тогда ведь заканчивался сентябрь, на улице ещё тепло, но уже нежарко и красочно. В то время я была начинающим специалистом в организации средней

руки и за скромные деньги нарабатывала первый стаж, с прицелом впоследствии перейти в место поинтереснее.

В тот день парень из соседней фирмы пригласил меня после работы в кофейню, и я согласилась. Ещё бы, в нашем здании все девчонки на него с интересом поглядывали: высокий, симпатичный, общительный, на хорошей машине и с перспективами. Работал он не на чужого дядю, а на собственного отца — то есть был наследником бизнеса.

Тот момент, когда Дима появился в кофейне, я пропустила, но его присутствие заметила очень быстро. Ещё бы, он на нас, вернее на меня, с такой неприличной откровенностью пялился, только что не облизывался. Потом встал, подсел за наш столик и обратился — нет, не ко мне, к Радику — и заявил примерно следующее: извини, брат, но твоя девушка мне очень понравилась, и сегодня она пойдёт со мной на свидание.

От Родиона я ждала бурной реакции, думала, он нахала как минимум словесно поставит на место, как максимум — вышвырнет за шкирку на улицу. Но Радик подвёл, он краснел, бледнел, мялся, заикался и нёс какую-то ерунду. Бубнил, что мешать людям невежливо. А ведь до этого строил из себя крутого мачо, но как коснулось дела, сразу сдулся.

Посмотрела на них. Один — оборзевший, другой — рохля. Решила, ну их. Встала и молча ушла. Правда, далеко уйти не получилось. Не успела сделать и пары шагов от кофейни, как Волохов меня догнал. И тут, в отличие от Родиона, я не постеснялась, потребовала в грубой форме, чтобы он больше не попадался мне на глаза, потому что терпеть не могу таких, как он, чересчур самоуверенных и нахальных.

— А ещё я упёртый, чтоб ты знала, — крикнул он мне вдогонку, когда уходила.

Глава 5/3

Весёлая выдалась прогулка до остановки! Я шагала по тротуару, а Дима катился рядом и настойчиво уговаривал сесть к нему в машину. Чего я только ни делала, чтобы он отвязался!

Сначала игнорировала, думала, его надолго не хватит — проедет за мной сотню-другую метров, плюнет и отстанет. Тем более что со своей черепашьей скоростью он тормозил всю правую полосу. Другие водители были в бешенстве, большинство нервно сигналило, а те, кто посмелее, обгоняя, опускали стёкла и крыли его матом.

Но какой там! Дима на них и внимания не обращал, а мой молчаливый бойкот, казалось, только его раззадоривал, с каждой минутой он зазывал меня к себе всё настойчивее и громче.

К слову, если против Волохова ополчились водители, то я превратилась в объект внимания пешеходов. Один мужик заявил, что у меня совести нет, раз я так издеваюсь над парнем. Другой посоветовал прекратить набивать себе цену, пока из-за меня авария не случилась. А одна милая на вид бабулька плюнула мне под ноги и обозвала шалавой.

После «шалавы» моё терпение лопнуло. Я подошла к Диме и орала на всю улицу, что после его выходки, даже окажись он последним мужчиной на Земле, я и то в его сторону не посмотрю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.